

УДК 351.86

РЕФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

© 2014 г. **С.Л. Печуров***

НИО Министерства обороны РФ, Москва

В статье анализируются взгляды американского военно-политического руководства на пути развития вооружённых сил США после окончания «холодной войны».

Ключевые слова: *вооружённые силы, военные реформы, американское правительство, Конгресс, администрация президента, военный бюджет, оборонная трансформация.*

К концу 80-х годов прошлого века стало очевидно, что эпоха «холодной войны» уходит в прошлое, и ей на смену идёт «неопределённое будущее», чреватое новыми вызовами, требующими адекватных средств и методов реагирования на них.

Импульсы к преобразованиям

Наиболее продвинутые американские специалисты и аналитики в области политических и военных проблем загодя инициировали обсуждение будущего мироустройства и места в нём вооружённых сил, естественным образом реорганизованных для своевременной реакции на различного рода «чрезвычайные ситуации». Видный американский исследователь, авторитет в области военных реформ Лоуренс Дж. Корб полагает, что импульсом к дискуссии относительно срочной реорганизации национальной машины страны под новые вызовы стала статья известного «реформатора» Уильяма Линда, написанная им совместно с тремя офицерами морской пехоты США. Она называлась «Меняющееся лицо войны: в преддверии четвёртого поколения», была опубликована в октябре 1989 г. в ведомственном издании американской морской пехоты «Марин кор газетт» и среди немногих других аналитических трудов на эту тему заслуживала особого внимания.

Суть данного исследования сводилась к анализу характерных черт военного противоборства, в том числе сложившихся за последние два столетия, которые дали основание авторам провести классификацию войн данного периода военной истории и разделить их на три «поколения»: войны «преднаполеоновского» периода, войны периода 1805–1939 гг. и войны периода с 1939 г. по на-

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор запаса, доктор военных наук, профессор, академик РАВН, главный научный сотрудник НИО Министерства обороны РФ, член Научного совета при СБ РФ. Заслуженный военный специалист РФ.

стоящее время (конец 80-х годов XX века). Особо не останавливаясь на «преднаполеоновском периоде», авторы подчеркивали, как они считали, важную мысль, заключающуюся в следующем. Если на втором этапе особенностью противоборства на поле боя была «массовость» войск и фактор «позиционности», то третий этап характеризовался (и продолжал на тот период времени характеризоваться) огневой мощью и мобильностью армий. При этом делался вывод о том, что противник терпел сокрушительное поражение тогда, когда против него применялись «стратегемы» (уловки, находки) следующего поколения войн, как, например, это было с разгромом французами пруссаков под Йеной в 1806 г. и германцами французских войск в 1940 г. Теперь же, полагали авторы, отчётливо проявились признаки войн следующего, четвёртого поколения: неопределённость состояния войны и мира, «размытость» условий вступления сторон в фазу противоборства на поле боя; нелинейность столкновений, нечёткость полей битв и фронтов; охват боевыми действиями территорий противников одновременно на всю глубину; стирание различий между фронтом и тылом; участие в противоборстве одновременно «военных» и «гражданских» структур [4]. С этими отличительными чертами войн будущего в принципе было согласно большинство американских специалистов в области военного строительства, в связи с чем и было инициировано рассмотрение предложений по реформированию военной машины страны, базируясь на исходных посылах подготовки к войнам четвёртого поколения. В тот период вниманию общественности было предложено достаточно много различных вариантов подобной реорганизации как со стороны властных структур, так и независимых «реформаторов»: от чисто «косметических» до крайне «радикальных» проектов. В начале же января 1991 г. в Конгресс был официально направлен план реорганизации вооружённых сил, отвечающий требованиям новой эпохи, под названием «Базовые силы». Он был подготовлен председателем Комитета начальников штабов Колином Пауэллом и офицерами его Объединённого штаба и одобрен администрацией Белого дома.

Предвидение Пауэлла

Генерал Пауэлл уже в конце 1980-х годов, занимая должность советника президента США Р. Рейгана по вопросам национальной безопасности, предвидел, что с грядущим резким потеплением международной обстановки неизбежно встанет вопрос о сокращении национальных вооружённых сил, и считал, что к реагированию на него надо быть готовыми заранее. В связи с этим он подготовил тезисы предложений о реформировании военной машины страны, позже приобретшие форму проекта.

Пауэлл был согласен с тем, что вооружённые силы размеров периода «холодной войны» теперь не будут востребованы и что концепции типа «поддержания стабильности, противодействующей хаосу на международной арене» отныне вряд ли могут быть «подпоркой» для сохранения военного потенциала на прежнем уровне. При этом «смотрящий за горизонт» генерал считал неприемлемым превращение вооружённых сил лишь в инструмент «миротворчества», в нечто типа «армии спасения». Пауэлл учитывал и факт превалирования в Конгрессе демократов, которые резко критиковали рейгановскую админист-

рацию за безудержное наращивание военного потенциала. Он понимал, что сочетание всех этих факторов неизбежно должно было привести к выдвижению различных, в том числе «радикальных» планов сокращения ВС. Консервативно же настроенные гражданские начальники Пауэлла, такие как министр обороны Дик Чейни, его заместитель Пол Вулфовиц, советник президента по вопросам национальной безопасности Brent Скаукрофт не были склонны доверять прогнозам относительно резкого снижения угрозы Соединённым Штатам в ближайшей перспективе и ориентировали Пауэлла на сокращения военного бюджета не более чем на 10% в течение 1990–1995 гг. В угоду своим «боссам» генерал представил график сокращений на 5% каждый год в этот же временной интервал. В соответствии с данным планом предусматривалось сократить личный состав ВС с 3,3 млн. военнослужащих (2,1 – в регулярных войсках и 1,2 – в национальной гвардии и резерве) до 2,5 млн. (1,6 – регулярные войска и 0,9 – нацгвардия и резерв). Сокращаемое при этом число соединений, кораблей и тактической авиации фактически и должно было превратить вооружённые силы страны в «базовые силы», представляющие собой уменьшенную копию ВС времён «холодной войны» и, главное, без проведения каких-либо кардинальных и «болезненных» преобразований.

Разработанный Пауэллом по указанию его начальников проект подразумевал, что американские вооружённые силы должны быть способны без опоры на союзников вести военные действия с противником в лице государств, которые теперь стали обозначаться термином «страны-изгои». Эта концепция предусматривала возможность участия Соединённых Штатов в двух крупных региональных конфликтах, происходящих одновременно (чуть позже – «почти одновременно»). При этом предполагалось, что для одержания победы в кризисных регионах, таких, например, как Корейский полуостров или зона Персидского залива, будет достаточно группировок по 400 тыс. военнослужащих в каждой, даже если союзники на помощь не придут. К тому же Пауэллом и его командой было выдвинуто жёсткое положение, в соответствии с которым войска могут быть привлечены к боевым действиям только тогда, когда, во-первых, политические цели ясны и безупречны, во-вторых, руководство страны готово применить вооружённые силы быстро и решительно и, в-третьих, войска должны быть выведены из зоны боевых действий немедленно после достижения поставленной перед ними цели. Данное положение обуславливалось неоднократными провалами американских вооружённых сил, как, например, во Вьетнаме (1962–1972 гг.) или Ливане (1982–1983 гг.), где изначально цели политического руководства ясны не были, как и не были поставлены перед войсками чёткие задачи. Это положение позже обрело форму так называемой Доктрины Пауэлла.

Проект реорганизации ВС, разработанный генералом и его командой, к удовлетворению военно-промышленного комплекса, не предусматривал отказа от создания и модернизации ключевых проектов вооружений и военной техники (ВВТ) времён «холодной войны». Для сухопутных войск – это ударные и разведывательные вертолеты «Команч»; для ВВС – истребитель *F-22*, изготовленный по технологии «стелс»; для ВМС – многоцелевой тактический самолет *F/A-18E/F*, а также авианосцы и эсминцы новых проектов *CVN-72* и

DDG-51, соответственно. Между тем было очевидно, что в условиях роспуска Варшавского Договора и распада СССР эти дорогостоящие проекты явно излишни. Да к тому же, при заложенных 25%-ных сокращениях на закупки не было возможности менять ВВТ в войсках по принципу «один на один» прежде всего из-за их высокой стоимости.

Победа США и их союзников в разразившейся в 1991 г. войне в зоне Персидского залива над относительно слабым противником в лице саддамовского Ирака, по мнению многих критически настроенных американских специалистов, сыграла злую шутку с планами определенной части «реформаторов». Те, кто хотели реальных преобразований военной машины США, были вынуждены временно «отойти на задний план» на фоне громких заявлений консерваторов, провозгласивших «успех военной реформы республиканской администрации Буша-старшего», правильность которой якобы была доказана в «аравийских песках».

Новые подходы

Между тем эта «победа» не принесла республиканцам ожидавшихся дивидендов. Оппоненты обвинили их в «непродуманных и баснословных тратах денежных средств на военные нужды» и вообще в «неумении экономить». Вследствие этих и, разумеется, ряда других причин республиканцев ждал проигрыш на очередных президентских выборах.

Лес Эспин, выдвинутый главой новой демократической администрации Биллом Клинтоном на пост министра обороны, предложил очередной проект преобразований в военной сфере. Занимая пост председателя комитета по делам вооруженных сил в Палате представителей ещё при прежней, бушевской администрации, Эспин нещадно критиковал республиканцев за половинчатость их шагов. Квинтэссенцией предложенного им проекта, получившего название «Обзор снизу доверху» или, официально, «Обзор состояния и развития ВС США на перспективу», была мысль о том, что, если американское руководство реально планирует получить выгоду от потраченных на противоборство с СССР более чем 10 трлн. долл., ему следует немедленно заняться кардинальными преобразованиями в вооружённых силах. В соответствии с его планом, представленным в начале 1992 г., следует сформировать совершенно иные вооружённые силы, сэкономив в период 1993–1997 фин. годов громадную сумму в 231 млрд. долл. [1]. Проект был одобрен и формально получил санкцию на претворение в жизнь.

Эспин, а вскоре и сменивший его на посту министра обороны Уильям Перри рьяно взялись за дело, но при этом мало преуспели. Упоминавшийся американский авторитетный специалист Лоуренс Корб охарактеризовал проект демократов «обзором снизу доверху только на словах» [2, р. 66]. Впрочем, иначе и быть не могло. Дело в том, что генерал К. Пауэлл продолжал занимать должность председателя КНШ и при поддержке своих сторонников любыми способами «торпедировал» инициативы Эспина – Перри. Президент же Клинтон, потерявший авторитет среди военной верхушки из-за своей позиции по вопросу о разрешении геям служить в ВС, просто устранился от помощи министру в «проталкивании» его проекта, который генералы встретили в штыки.

В связи с этим произошла существенная корректировка изначально амбициозного проекта.

Корректировка планов

Прежде всего было восстановлено положение о необходимости сохранения такой численности вооружённых сил, которая позволила бы США участвовать одновременно в двух крупных региональных конфликтах. В составе военно-морских сил было решено оставить 12 авианосных ударных групп (АУГ), которые были у них и во время «холодной войны». Из ВВС «изымались» порядка 200 тактических истребителей, но «добавлялось» такое же количество стратегических бомбардировщиков, нацеленных на выполнение тактических задач. В сухопутных войсках сокращались две дивизии, но количество соединений в национальной гвардии СВ и резерве оставалось на уровне периода «холодной войны». Морская же пехота даже усиливалась за счёт формирования ещё одной экспедиционной дивизии.

Проектом не затрагивались реликты «холодной войны», такие как подводные лодки «Сивулф» *SSN-21*, ракеты «Трайидент-2», истребители *F-22*, спутниковые системы связи «Милстар» и др. Более того, клинтоновская администрация согласилась на продолжение разработки и поставок для нужд морской пехоты конвертопланов *V-22* «Оспри», которые пытался аннулировать ещё министр Чейни из предыдущей республиканской администрации. Личный состав ВС сокращался минимально – на 8% до 2,3 млн. человек, а оборонные расходы приблизительно на 9% в период 1994–1998 фин. годы в то время, как расходы на приобретение новых ВВТ оставались на прежнем уровне.

Проект Эспина не удовлетворял никого: ни консерваторов, ни либералов, ни «реформаторов». Консерваторы утверждали, что сокращённых оборонных расходов будет явно недостаточно для ведения двух войн масштаба театра войны. Они были недовольны и тем, что администрация Клинтона делала акцент на подготовке войск к «операциям ниже уровня войны», таким, например, как на Гаити или в Боснии. Либералы, напротив, считали, что Клинтон «слишком мало» урезал оборонную программу бушевской администрации и, более того, вообще частично восстановил изначально сокращённые по его же инициативе «оборонные фонды», пойдя на поводу контролируемого республиканцами Конгресса. Действительно, из планировавшихся Клинтоном сокращений оборонного бюджета на 127 млрд. долл. реально было «изъято» только 27. «Реформаторы» – сторонники кардинальных преобразований в военной сфере вообще были вынуждены констатировать факт «неготовности ВС США к ведению войн четвёртого поколения». В качестве аргумента они приводили операцию в Сомали в 1993 г., начатую как «гуманитарная миссия», но затем превратившуюся в реальное военное противоборство «следующего поколения», к которому американцы оказались абсолютно не готовы и потерпели явный провал, потеряв два вертолета и 18 человек убитыми.

Попытки исправить положение

Конгресс США оценил два указанных и частично реализованных последовательных проекта реформирования военной машины страны как «не полностью отвечающие требованиям новой эпохи» и обязал Пентагон подготовить новый документ, получивший название «Всесторонний (четырёхлетний) обзор состояния и перспектив развития вооружённых сил», а параллельно сформировал Комиссию национальной обороны практически с аналогичными задачами.

Забегая вперед, отметим тот факт, что ни пентагоновский, ни конгрессовский проекты не стали прорывом в деле реформирования вооружённых сил Соединённых Штатов.

Пентагоновский вариант подтвердил сценарий двух войн, оставив, таким образом, в неизменном состоянии структуру войск, планы их модернизации (реструктуризации) и вопросы готовности. Чувствовалось, что преемник Перри на посту министра обороны в клинтоновской администрации, в прошлом сенатор Уильям Коэн (республиканец в демократической администрации), как и его «босс» Клинтон не был склонен вступать в противоборство с генералитетом и конгрессменами-консерваторами. В проекте остался тезис и о том, что войска должны готовиться к участию в конфликтах типа боснийского или гаитянского. Далее по тексту постулировался тезис о том, что США должны поддерживать «стратегическое сдерживание» на уровне 7 тыс. ядерных боеголовок до ратификации Россией Договора СНВ-2, а затем уменьшить их количество до 3,5 тысяч. И, наконец, якобы исходя из «угроз неопределённого будущего», обосновывалась необходимость модернизации состоящего на вооружении устаревшего ВВТ. Правда, видимо в угоду либералам, в пентагоновском варианте предусматривались и некоторые косметические сокращения личного состава и техники. Так, планировалось сократить регулярные войска на 4%, или на 60 тыс. человек, резервистов – на 6%, гражданских служащих – на 11%. В проекте предлагалось уменьшить на 25% запланированные ранее закупки *F-22*, *F/A-18E/F* и *V-22*, но не было и намека на отказ от «реликтов холодной войны».

Проект комиссии конгресса был более «радикальным». Во-первых, отмечалось, что концепция двух войн регионального масштаба представляет собой «кальку стратегии времён “холодной войны”» и обязывает содержать на «передовой линии» избыточные группировки войск. Во-вторых, проект комиссии критиковал Пентагон за то, что слишком много средств тратится на «вчерашние» ВВТ, типа танков *M1A1* «Абрамс» и авианосцев типа «Нимиц». В-третьих, Пентагон подвергся критике за отсутствие каких-либо концепций превращения национальных ВС в «полностью мобильные» войска, а также недостаточное внимание к беспилотным летательным аппаратам и «опережающим время» разработкам разведывательных и коммуникационных систем. В-четвёртых, как резюме, проект комиссии настоятельно рекомендовал администрации в целом и Министерству обороны, в частности, увеличить ежегодные ассигнования на 5–10 млрд. долл., направив их на исследования в областях разведки, военного космоса, разработку концепции «бой в городе», прове-

дение «объединённых» (межвидовых) экспериментов и так называемых информационных операций, что, в целом, должно, наконец, «трансформировать американскую военную машину в силы XXI века».

Однако генералитет категорически отказался поддержать конгрессовский проект преобразований, в чём с ним был солидарен министр Коэн. Вместо этого глава военного ведомства в конце 1998 г. выступил в качестве яркого сторонника запроса Комитета начальников штабов в адрес президента относительно финансирования вооружённых сил в рамках существовавшей тогда структуры войск. Несмотря на то, что надежды генералитета на получение 150 млрд. долл. на период 2000–2005 фин. годы не оправдались, 112 млрд. им все же были обещаны (плюс 8 млрд. долл. на 2000–2001 гг. добавил Конгресс). Таким образом, за 10 лет после окончания «холодной войны» оборонный бюджет США в реальных цифрах снизился всего лишь на 10%, не оказав существенного влияния, как подчеркнул упоминавшийся эксперт Л. Корб, на «подгонку военной машины страны под требования нового времени» [2, р. 69].

Во главе угла — «трансформация»

В период очередной президентской кампании в США в конце 1999 г. республиканцы выдвинули три тезиса жёсткой критики прежних проектов реформирования национальных ВС, реализовывавшихся демократической администрацией, которые «потерпели полный провал». Во-первых, подчёркивали республиканцы, Клинтон и его команда серьёзно недофинансировали нужды обороны, что, по их мнению, напоминает ситуацию в стране в конце 30-х годов прошлого века, приведшую к «катастрофе Пёрл-Харбора». Во-вторых, демократы, якобы, настолько «разбалансировали вооружённые силы», навязывая им всякого рода «гуманитарные» и «стабилизационные» операции, что военная машина страны оказалась не готова к ведению «нормальной войны» крупного масштаба в таких кризисных регионах мира, как Персидский залив или Корейский полуостров. И, в-третьих, по мнению республиканцев, администрация Клинтона не смогла воспользоваться очевидными преимуществами «революции в военном деле» для трансформации вооружённых сил в «мобильные и гибкие войска».

Эти три тезиса кандидат в президенты от республиканской партии Джордж Буш-мл. озвучил в своей главной программной речи в декабре 1999 г. Исправить «катастрофическое положение» президент Буш обещал прежде всего путём увеличения ассигнований на подготовку войск к боевым действиям, а не к так называемым «операциям ниже уровня войны». Он также обязался кардинально «трансформировать» военную машину страны, даже если придётся «перескочить через поколения технологий». Причём под термин «трансформация» был подведён весьма существенный контекст. Это — «процесс, формируемый изменяющейся природой вооружённой борьбы, усиливающимся взаимодействием отдельных составляющих ВС через новые комбинации концепций, боевых возможностей, людей и организаций, которые используют национальные преимущества и защищают страну от асимметричных угроз для сохранения стратегического положения Соединённых Штатов, которое помогает укреплять мир и поддерживать необходимую стабильность» [7,

р. 3]. Республиканский кандидат обещал осуществить разумную экономию средств за счёт отказа от разработок, планировавшихся для противоборства с «исчезнувшей коммунистической угрозой в лице СССР». Действительно, в период нахождения у власти демократов в 1990-е годы, яростно критиковавших республиканцев за «безудержное наращивание военного потенциала» в предшествовавший период, ими было потрачено на оборону 3,3 трлн. долл., всего лишь на 14% меньше, чем во времена республиканцев – Рейгана и Буша-старшего. Теперь республиканцы планировали увеличить оборонные траты в течение 10 лет «только» на 45 млрд. долл., тогда как их конкуренты-демократы в борьбе за Белый дом предлагали на тот же период 80 млрд. Во всяком случае, видимо, не в последнюю очередь эти, а также, естественно, и другие аргументы «взяли верх» у избирателей, и республиканцы с триумфом «въехали» в Белый дом.

Для реализации амбициозных планов «трансформации» национальных вооружённых сил республиканская верхушка подобрала и соответствующую кандидатуру – Дональда Рамсфелда, имевшего богатый опыт руководителя ещё с тех времён, когда он возглавлял военное ведомство в фордовской администрации в 70-е годы прошлого века, был шефом аппарата Белого дома и представителем США в НАТО. Рамсфелд имел также репутацию «успешного менеджера», «выведшего» возглавляемые им корпорации в число процветающих. Казалось, лучшей кандидатуры на пост министра обороны не найти. Между тем, опять забегая вперед, заметим, что результаты деятельности Рамсфелда отнюдь не превзошли по своей эффективности то, что «сотворили» его предшественники, возглавляя военное ведомство США после окончания «холодной войны». Неудачи Дональда Рамсфелда были обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, объективно министр оказался в затруднительном положении, взяв на себя миссию кардинальной перестройки работы своего ведомства в период всеобщей эйфории от осознания американским истеблишментом и общественностью США статуса «единственной оставшейся в мире сверхдержавы». В этих условиях ему было чрезвычайно трудно найти среди влиятельных чинов Вашингтона сторонников кардинальной «трансформации» вооружённых сил (которые и без того, якобы, «лучшие в мире»).

Во-вторых, авторитарный стиль его руководства явно не подходил для решения такой амбициозной задачи, как «трансформация военной машины страны», требующей, как пишет упоминавшийся эксперт Л. Корб, «наличия определённой гибкости и умения ладить с сильными мира сего для слома сопротивления самой мощной бюрократии мира» [2, р. 74]. Возглавив военное ведомство в январе 2001 г., Рамсфелд тут же испортил отношения с американским генералитетом, гражданскими служащими, высшими представителями военно-промышленного комплекса, и, что самое главное, с теми членами Конгресса из обеих палат, от которых зависело успешное продвижение «реформаторских идей». Особенно «доставалось» от него аппаратам Пентагона и Комитета начальников штабов. Выступая 10 сентября 2001 г., т.е. за день до «мегатерактов», перед руководством обеих инстанций, министр Рамсфелд сделал следующее шокировавшее всех заявление: «Наш главный

противник здесь, внутри нашего дома. Это – пентагоновская бюрократия!» [5]. Американский истеблишмент и общественность, поглощенные устранением последствий терактов, не сразу обратили внимание на эту речь главы военного ведомства, тем более на фоне его конструктивного и даже «героического» поведения в ходе организации отпора террористам, но позже «недрузи» припомнили Рамсфелду эти слова. Правда, решительные действия главы военного ведомства в чрезвычайных обстоятельствах были оценены по достоинству. Бывший министр армии Томас Уайт писал в этой связи: «Рамсфелд хорош именно во время кризиса!» [6].

В-третьих, Рамсфелд буквально рвался форсировать события, пытаясь «трансформировать» ВС в самые сжатые сроки, невольно нанося, как говорили его «недоброжелатели», непоправимый ущерб военной промышленности. Так, министр, без оглядки на «защитников» «реликтов холодной войны» из числа членов администрации и конгрессменов, отказывался не только от дальнейшего производства устаревших ВВТ, но и добивался прекращения программ таких «перспективных» вооружений, как, например, САУ «Крузейдер», которые, по его мнению, были просто «лишними» в новом облике американских ВС, но на которые уже были потрачены астрономические суммы денег. В первые восемь месяцев своей работы на столь высоком посту по его инициативе было сформировано более дюжины рабочих групп, которые занялись тем, чтобы обосновать необходимость урезаний ассигнований практически на все оборонные программы.

В-четвёртых, открыто демонстрируемый Рамсфелдом упор на технологическое преимущество не только над виртуальным, но и реальным противником (как, например, вооружёнными силами саддамовского Ирака или формированиями «Талибан» в Афганистане) в ущерб вниманию к развитию новых форм и способов ведения военных и «стабилизационных» действий инициировал недоверие к нему в среде военных и «реформаторов» как к руководителю, игнорирующему «элементарные принципы современной революции в военном деле». Критикуя рамсфелдовскую концепцию ведения военных действий в Ираке и Афганистане, авторитетный американский эксперт Эндрю Крепиневич, отмечал, по его мнению, ставшую очевидной для всех неуместность «нацеливания военной машины США всецело на уничтожении повстанческих сил и минимизации своих потерь за счёт безопасности местного населения... и игнорирования усилий, направленных на поствоенную реконструкцию» [3, р. 92].

Таким образом, как подчёркивает упоминавшийся выше Л. Корб, намерения и попытки Рамсфелда «трансформировать» вооружённые силы США «фактически закончились терактом 11 сентября 2001 года». Уже к 2005 г. оборонный бюджет страны вырос на 40%, не считая трат на войны в Афганистане и Ираке. Инициативы республиканцев по жёсткой экономии средств и их целенаправленному использованию на нужды «трансформации» по существу провалились, а военно-промышленный комплекс продолжил массовые поставки в войска ВВТ эпохи «холодной войны». В этих условиях миссия Рамсфелда оказалась исчерпанной. Ни президент, ни его окружение не выступили в защиту министра, который в конце 2006 г. был вынужден подать в отставку.

Без «амбиций»

Перед новым главой военного ведомства США, в прошлом директором ЦРУ, Робертом Гейтсом была поставлена менее амбициозная задача, сводившаяся к экономии оборонных расходов на фоне «успешного завершения военных миссий в Афганистане и Ираке». За два оставшихся до избрания нового президента года министр Гейтс проявил себя как «тонкий дипломат», наладив «конструктивные» отношения как с законодателями, так и представителями военно-промышленного комплекса, но при этом фактически не затронув ни одной «болевой точки» заметно сбавившего темпы процесса реформирования вооружённых сил. Такая позиция неамбициозного министра – представителя республиканской партии явно пришлась по душе новой демократической администрации, глава которой предложил Гейтсу продолжить начатый им «сбалансированный курс» экономии оборонных трат при условии обеспечения, наконец, перелома в пользу США ситуации в Афганистане и Ираке. При новом министре были опубликованы, либо разработаны следующие важные документы, непосредственно касавшиеся национального военного строительства: «Стратегия национальной безопасности» (2010 г.), «Всесторонний обзор состояния и перспектив развития ВС США» (2010 г.), «Национальная военная стратегия» (2011 г.) и документ с красноречивым названием «Удерживая глобальное американское лидерство. Приоритеты военного строительства в XXI веке», который увидел свет в 2012 г. Наряду с первостепенной нейтрализацией угроз США, исходящих из космоса и киберпространства, «превращающихся в новые среды военного противоборства», в этих документах подчёркивалась и ставшая традиционной задача поддержания готовности войск к одержанию победы над «региональным агрессором, военный потенциал которого может быть таким же мощным как у Ирана или Северной Кореи» (вспомним так называемую концепцию двух войн регионального масштаба). На этом Гейтс посчитал свою миссию выполненной и попросился в отставку. По образному выражению президента Б. Обамы, «министр Гейтс, успешно наведя мосты между двумя администрациями, с честью выполнил поставленную перед ним задачу» [8].

Главное – экономия средств

Назначенный 1 июля 2011 г. новый министр, в прошлом также возглавлявший ЦРУ, Леон Паннетта был из среды демократической партии и прославился тем, что лично руководил операцией, приведшей к смерти Усамы бен Ладена. Как человеку, хорошо разбиравшемуся в бюджетных вопросах, президент Обама поручил ему «первостепенную задачу» – обеспечить масштабное сокращение военных расходов на 400 млрд. долл. за 12 лет. При этом априори считалось само собой разумеющимся, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе (2015–2030 гг.) оперативные возможности американских ВС за счёт их высвобождения и даже некоторого наращивания должны остаться достаточными для разгрома любого «регионального агрессора». Вместе с тем, делая упор на резкое увеличение ассигнований на силы специальных операций при общем уменьшении военного бюджета, в последних пентагоновских документах подчёркивалась необходимость отказа в

дальнейшем от ведения американскими войсками длительных по времени операций, требующих расходования значительных финансовых средств и чреватых большими потерями как среди военнослужащих, так и гражданских лиц, и более широкое привлечение союзников и партнеров, вовлечение их в коалиционные действия, в том числе за счёт формирования «коалиций по желанию». Однако Паннета, несмотря на возлагавшиеся на него надежды, не сумел довести выполнение поставленной перед ним задачи до конца, и в феврале 2013 г. был заменён на представителя республиканской партии сенатора от штата Небраска Чарльза Хэйгела.

Новый министр, имевший боевой опыт во время службы во Вьетнаме в 1967–1968 гг. и даже два ранения, награждённый боевыми медалями, удовлетворял требованиям демократической администрации не только тем, что своим назначением на важный пост потенциально мог смягчать противодействие «реформаторскому» курсу Обамы со стороны влиятельных республиканцев-консерваторов, но и тем, что полностью разделял позицию своего нового «босса» в отношении приоритетов оборонной политики, в первую очередь по вопросу об «экономии средств» и организации «беспроблемного» вывода американских войск из Афганистана в обозначенные временные рамки (до конца 2014 г.). Несмотря на определённое негативное отношение к нему со стороны израильского лобби в связи со стремлением кандидата в министры соблюдать баланс интересов США на Ближнем Востоке, в целом позиция Хэйгела по проблемам необходимости выполнения соглашения СНВ-3, продолжения разработки и размещения по всему миру систем ПРО и другим аспектам американской военной стратегии нашла поддержку в Конгрессе, и его кандидатура была утверждена. Но на плечи вновь назначенного министра неожиданно «свалилась» ранее не планировавшаяся миссия по «изначально нежелательному» вовлечению ВС США в процесс урегулирования разразившегося в начале 2011 г. кризиса на Ближнем Востоке. Не будучи жёстким сторонником прямого участия американских военных «в очередном Вьетнаме», Хэйгел всё же был вынужден придерживаться общих установок американского руководства на «подчинение развития ситуации своему контролю», в том числе и в вопросе применения военной силы. Особенно отчётливо это прослеживается в связи с набирающими обороты кризисными событиями вокруг Сирии и постепенного втягивания в них США.

Будет ли министр Хэйгел в состоянии успешно решить поставленные перед ним задачи, покажет время. Однако уже сегодня есть основания констатировать тот факт, что ожидания «реформаторов» в отношении кардинальных преобразований военной машины США в ближайшей перспективе не оправдаются. Прежде всего для успешного осуществления любой реформы помимо чётко продуманной и всесторонне обоснованной концепции нужны избыточные средства, которые вряд ли найдутся в условиях взятого нынешней американской администрацией курса на всемерную экономию и урезание военного бюджета. Реально неизбежные преобразования в области обороны как следствие завершения очередной военной кампании (или кампаний!?) всё же ждут вооружённые силы США, но, видимо, уже при следующей президентской ад-

министратии, хотя теоретическая и документальная подготовка в этом направлении уже началась.

Список литературы

1. *Clinton B. and Gore A.* Putting People First. New York Books, 1992.
2. *Korb L.J.* The Lost Decades // W.T. Wheler and L.J. Korb. Military Reform. Praegar Security Int. Westport, 2007.
3. *Krepinevich A.* How to Win in Iraq // Foreign Affairs. September-October 2005.
4. *Lind W., Col. Keith Nightengale, et. al.* The Changing Face of War: Into the Forth Generation // Marine Corps Gazette. October 1989.
5. Remarks as Declared by Secretary of Defense Donald Rumsfeld. The Pentagon. 10.09.2001 // Defense Link.
6. Rumsfeld War // PBS Frontline. 6.10.2004.
7. Transformation Planning Guidance. DoD. Washington, D.C. April 2003.
8. ru.wikipedia.org